Некоторые аспекты развития института экстрадиции

*Кучухидзе С.Т.**

Во всем мире институт экстрадиции получает все большее теоретическое и практическое значение. Поэтому с целью его последующего совершенствования очень важно изучение исторических истоков данного института.

Исследованием исторического развития института экстрадиции занимались как выдающиеся юристы прошлого – Д.П. Никольский¹, Ф.Ф. Мартенс², Э.О. Симсон³, так и наши современники – Л.Н. Галенская⁴, Р.М. Валеев⁵, М.С. Бассиуни⁶, И.И. Лукашук и А.В. Наумов⁷, В.М. Волженкина⁸, Н.А. Сафаров⁹ и другие.

В данной статье мы попытаемся в хронологической последовательности исследовать специфические факторы, которые содействовали появлению и развитию института экстрадиции.

* Кучухидзе С.Т. – аспирант кафедры международного права Дипломатической академии МИД России.

¹ Никольский Д.П. О выдаче преступников по началам международного права. СПб., 1884.

² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1888.

³ Симсон Э.О. О невыдаче собственных подданных. СПб. Типолитография, 1892.

⁴ Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. М.: Международные отношения, 1972.

⁵ Валеев Р.М. Выдача преступника в современном международном праве (некоторые вопросы теории и практики). Казань: Изд. Казанского университета, 1976.

⁶ Bassiouni M.C. International Extradition: United States Law and Practice. N. Y., 1996.

⁷ Лукашук И.И., Наумов А.В. Выдача обвиняемых и осужденных. М.: Российский юридический издательский дом, 1998.

⁸ Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе. М.: ЮРНИТИНФОРМ, 2002.

⁹ Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве. Проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2005.

До сегодняшнего времени в работах российских и зарубежных юристов подчеркивается факт древнейшего происхождения института экстрадиции, в частности то, что первый договор был заключен еще в XII веке до н.э. между Египтом и Хеттским государством. Договор затрагивал вопросы возвращения лиц, сбежавших из Египта, но ни о какой «передаче обвиняемых» речь не шла.

Из древнейшей истории можно привести в пример договор, заключенный между хеттами и касками. Как отмечает Р. Метревели, этническое происхождение касков точно не установлено, хотя грузинские ученые предполагают, что это было племя, некогда заселявшее территорию нынешней Западной Грузии¹⁰. В этом договоре речь идет о том, что при совершении преступления против царя и бегства к каскам преступник должен был быть незамедлительно задержан и передан хеттам. «Перебежчики» в этом договоре именовались «беженцами». По договору, когда «беженец» из страны хеттов перебирался к каскам, при условии возвращения краденого имущества собственного господина или друга он имел право остаться в этой стране. Такие же обязательства налагались и на хеттов. В данном договоре особо подчеркнута важность передачи лица, совершившего преступление против царя.

Исходя из вышесказанного ясно, что передача обвиняемого не осуществлялась, если имело место преступление имущественного характера, хотя возврат краденого имущества был необходим. Здесь мы сталкиваемся с классическим примером основания отказа в экстрадиции при рабовладельческом строе. Конечно же, существующие в то время договоры между двумя дружескими государствами допускали передачу и при других определенных правонарушениях.

При рабовладельческом строе часто имели место факты требования экстрадиции. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас примеры из древней истории евреев, греков и римлян.

Из древней истории евреев известен факт, когда житель города Гибии, принадлежащий племени Вениаминова, изнасиловал жену Левита из племени Ефремова, которая впоследствии умерла. Муж разрезал труп на куски и разослал разным племенам, призывая их отомстить за это преступление. Они отправили послов к племени Вениаминова с требованием выдать им обидчика, но последние отказались выдать

¹⁰ Метревели Р. Грузинская дипломатия. Договор между Рамзесом II и Хеушином III. Тбилиси, 1996. С. 21 (на грузинском языке).

его. Впоследствии началась война, которая и уничтожила племя Вениаминово¹¹.

Вышеупомянутый факт доказывает, что вопрос об экстрадиции ставился и в межплеменных отношениях, но при этом виновные не передавались. Такие факты в основном имели место в союзных государствах.

Из истории древнегреческого права важно отметить трактаты, содержащиеся в сборнике Барберака, которые датируются 1496 г. до н.э. В них речь идет о праве, принадлежащем королю или народу, принимать и выдавать беглых. Д.П. Никольский обращает внимание на факты передачи между греческими городами-государствами¹².

Факты, дошедшие до нас с древнейших времен, свидетельствуют, что институт экстрадиции начинает формироваться уже с рабовладельческой эпохи, то есть тогда, когда система международного права еще не была развита. Такого вида правовая помощь часто становилась предметом переговоров между государствами. Хотя нужно отметить, что передача собственных подданных была маловероятна.

Как видно из исторических данных, невыдача часто становилась причиной войны. С уверенностью можно сказать, что в рабовладельческую эпоху экстрадиция иностранных подданных была допустима при наличии соответствующих договоров.

В X–XI веках развиваются феодальные отношения, и вместе с ними зарождается право на убежище. Каждый феодал стремился, чтобы его права не были ущемлены. В это время в Европе начинают формироваться сильные государства, которые могли вступать друг с другом в международные отношения.

В средние века в Италии коммуны и феодальные владения отделились от общего Ломбардского союза государств. Отдельные города и территории относились к друг другу как к государствам, и, следовательно, отношения между ними носили международный характер. В тот период существовало большое количество договоров, гарантирующих гражданам отдельных городов безопасность. Договоры, заключенные между городами, «не делают изъятие в пользу собственных преступных граждан, но обещают взаимно наказание или изгнание их»¹³. Э.О. Симсон приводит в пример договор 1166 г. между Болоньей и Моденой и договор 1221 г. между Пизой и Арлем. На основании

¹¹ Симсон Э.О. Указ. соч. С.15-16.

¹² Никольский Д.П. О выдаче преступников по началам международного права. СПб., 1884. С. 44-49.

¹³ Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 4.

вышеупомянутых договоров можно заключить, что в Италии взаимная выдача собственных подданных была обычным явлением. В таких случаях руководствовались теориями римского права, которые учитывали вопрос подсудности. По свидетельству этого же автора, из российской истории также известно множество фактов невыдачи собственных граждан. Можно отметить договоры 911-945 гг. между Россией и Грецией. Русские, совершившие преступления в Византии, должны были быть выданы отечеству, и наоборот¹⁴. Данные договоры были направлены на изъятие подданных из судебной власти другого государства. Здесь мы встречаемся с классической формой невыдачи собственных подданных.

Н.А. Сафаров, ссылаясь на труд Д.П. Никольского, отмечает: «В числе наиболее древних договоров об экстрадиции можно также упомянуть договор 1242 г., заключенный между голландским князем Вильгельмом II и графом Брабанта Генри II; договор 1376 г. между королем Карлом V и графом Савуа; договор 1303 г. между английским королем Эдуардом III и французским королем Филиппом Красивым»¹⁵.

В средние века в Германии передача осуществлялась не на обязательственных основаниях, а из дружбы. Данный принцип распространялся на территориальные единицы, входившие в состав империи. Не существовала обязанность даже у судов одного и того же государства передавать обвиняемых, но они делали это из любезности¹⁶.

Договоры, заключенные до XV века, содержали нормы, касающиеся экстрадиции, т.е. отдельного договора об экстрадиции до этого времени мы не встречаем. В практике России первым договором, специально регулирующим выдачу, была «договорная запись со Швецией от 29 декабря 1649 г. О выдаче перебежчиков»¹⁷ (*сохранена орфография оригинала. – С.К.*). Как отмечает профессор Р.М. Валеев, в истории права России при Петре I имели место факты обращения с просьбой о выдаче преступников¹⁸.

В истории экстрадиции особое место с XVI века занимали консульства¹⁹. Это особенно касается отношений между государствами с раз-

¹⁴ Симсон Э.О. Указ. соч. С. 91.

¹⁵ Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 4-5.

¹⁶ Billot A. Traite de l'extradition, Paris 1874, p.1; Weiss A. Etude sur les conditions de l'extradition. Paris, 1880. Д. 35.

¹⁷ Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. СПб., 1887. С. 313-317.

¹⁸ Валеев Р.М. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1900. С. 87-98.

ными вероисповеданиями. Говоря о консульских судах, можно отметить, что на сегодняшний день роль и место консульских судов в вопросах экстрадиции недостаточно изучены.

Франция первая из христианских стран установила международные отношения с Турцией. По соглашениям 1528 и 1835 гг. турецкая сторона признавала юрисдикцию французских консулов на своей территории. Права французских консулов точно были определены в капитуляции от 1740 г.

В 1783 г. между Россией и Турцией был заключен торговый трактат, которому придавалось общеевропейское значение. По этому договору российские консулы и подданные пользовались большими правами, чем французы и англичане. Консул обладал неприкосновенностью по отношению к местной юрисдикции.

Мы постарались научно обосновать роль консульских учреждений в вопросах экстрадиции либо отказа в ней. Консульство играло огромную роль в правовой помощи государства, что заключалось в защите интересов собственных подданных от местной власти. При мелких правонарушениях консульство единолично осуществляло правосудие, и, следовательно, правонарушители не подвергались экстрадиции.

Несмотря на то что не всегда соблюдался принцип территориальности и суверенности, действия консульских судов в тот период имели прогрессивное значение для урегулирования отношений между государствами, исповедующими разные религии. Спустя некоторое время смешанные комиссии заменили консульские суды. С конца XIX века решение подобных вопросов стало предметом переговоров между суверенными государствами.

Немалую роль в развитии института экстрадиции сыграли существовавшие в XIX веке теории международного и уголовного права. Можно выделить «территориальную», «национальную», «реальную» и «космополитическую» (универсальную) теории. На основании упомянутых теорий в уголовные кодексы развитых стран были внесены поправки, которые частично решили проблемы, возникающие при экстрадиции.

Сторонники «территориальной» теории К. Биндинг²⁰, К. Кестлин²¹ и другие заявляли, что государство осуществляет карательную функ-

²⁰ Binding K., Der Entwurf eines Strafgesetzbuches für den Norddeutschen Bund in seinen Grandzügen beurtheilt. Leipzig, 1869. S. 125.

²¹ Köstlin C., System des deutschen Strafrechts. Tuebingen, 1855. Th. I. S. 28, 36, 37.

цию только лишь в пределах территории своей страны. Исходя из этого, государства не могли признавать на своей территории законы других государств, хотя при этом они могли признавать правосубъектность тех же государств.

Среди сторонников «территориальной» теории существовали некоторые разногласия, но в конечном итоге они приходили к единому заключению, что обвиняемые должны быть наказаны на территории той страны, где было совершено преступление. Наибольшее распространение и применение данная теория нашла в Англии. Исходя из сказанного, смысл «территориальной» теории заключался в том, что уголовно-правовые законы каждого государства действовали в пределах собственных территорий и, следовательно, все обвиняемые должны были быть наказаны там, где они совершили то или иное преступление. Что касается преступлений, совершенных за границей, то территориальный принцип на них не распространялся. Для того чтобы расширить ареал действия местного уголовного закона, была сформулирована «национальная» теория. Последователь данной теории А. Бернер считал, что, выходя за пределы собственной страны, человек не теряет подданства, следовательно, он не должен был совершать действия, которые считались противоправными в своей стране²². Приверженцы «национальной» теории считали неправильным осуществление уголовно-правового закона только по территориальному принципу, объясняя это тем, что законы создаются не для территории, а для людей, живущих на ней. Основная идея данной теории заключалась в том, что обязательную силу уголовно-правовой закон имеет против своих подданных, невзирая на их местонахождение.

Для восполнения пробелов, которые имелись в «территориальной» и «национальной» теориях, была создана «реальная» теория. Последователи данной теории А. Вийефор²³ и Р. Гайнц²⁴ считали, что если государство берет под свою защиту интересы, признанные собственным законодательством, то всякие деяния, направленные против этих интересов, независимо от того, были они совершены в пределах страны или же за ее границами, а также от гражданства обвиняемого, будут рассмотрены как деяния против данного государства. Логично,

²² Berner A. Wirkungskreis, des Strafgesetze nach Zeit, Raum und Personen. Berlin, 1853, § 28, § 36.

²³ Villefort A. Des crimes et délits à l'étranger. Paris, 1855.

²⁴ Heince R. Staatsrechtliche und strfsrechtliche. Erörterungen. Berlin, 1970.

что в данном случае у государства возникает претензия на наказание обвиняемого. «Реальная» теория не была совершенна в том смысле, что в ней отсутствовали основания для наказания собственных граждан, совершивших преступление за пределами собственной страны. Как отмечает В.В. Гварамия²⁵, недостатки вышеупомянутых теорий заключались в их несовершенстве. А профессор Н. Таганцев называл их «эгоистичными»²⁶.

Со второй половины XIX века берет начало «космополитическая» теория. Впервые она была сформулирована А. Булмерингом²⁷ в монографии «Право на убежище». Смысл данной теории заключается в том, что защита правового порядка входит в интересы всех стран. В связи с этим защита правового порядка во всем мире является обязательством каждого государства. Сторонники данной теории считали, что независимо от места совершения преступления каждое государство, исходя из интересов единой юстиции, имело право наказать или передать лицо за любое противоправное деяние. Согласно «космополитической» теории, государство, где находился обвиняемый, имело не только право, но и обязанность наказать его.

Последователи разных направлений «эгоистической» теории по-разному подходили к возможностям передачи обвиняемых:

1. Сторонники «территориальной» теории допускали передачу всех обвиняемых, которые сбежали за границу.

2. Сторонники «национальной» теории не допускали передачу собственных граждан.

3. Сторонники «реальной» теории поддерживали передачу всех тех иностранцев, которые посягали на интересы, защищенные государством.

4. Сторонники «космополитической» теории считали правильной обязательную караемость обвиняемого в целях поддержания международного правового порядка исходя из принципа обязательной юрисдикции.

Во второй половине XIX и в начале XX века под влиянием названных теорий в разных странах сформировалась различная законодательная практика в сфере экстрадиции. Несмотря на множество недостат-

²⁵ Гварамия В.В. Существующие во второй половине XIX века теории и их влияние на формирование института экстрадиции // Право. 2001. № 9/10. С. 9 (на грузинском языке).

²⁶ Таганцев Н. Лекции по русскому уголовному праву. СПб., 1887. С. 286.

²⁷ Bulmering A. Das Asylrecht und die Auslieferung flüchtiger Verbrecher. Dorpat, 1853. S. 140 ff.

ков, упомянутые теории оказали огромное влияние на формирование международных стандартов в этой области.

В целом ряде стран создавались специальные законы, в которых были систематизированы нормы экстрадиции. Первый закон об экстрадиции был принят в Бельгии в 1833 г. Позже – в Англии (1870 г.), а далее за ними последовали Голландия (1875 г.), Аргентина (1885 г.), Конго (1886 г.), Перу (1888 г.), Швейцария (1892 г.). Во Франции в 1880 г. подготовленный законопроект об экстрадиции был отклонен. В Германии, Венгрии и ряде других европейских стран положения о выдаче содержались в уголовных кодексах, где им посвящались отдельные статьи. Параллельно институт экстрадиции успешно развивался и на американском континенте, доказательством чего служат договоры о правовой помощи, заключенные в Лиме 27 марта 1879 г. и в Монтевидео 23 января 1889 г.

В XIX веке на основании внутреннего законодательства было заключено множество договоров, регулирующих конкретные вопросы экстрадиции, среди которых особое место занимал вопрос об отказе в экстрадиции.

Общее правило подразумевало невыдачу собственных подданных невзирая на место совершения преступления. Только Англия и США составляли исключение – они выдавали собственных подданных потому, что в англо-американской юриспруденции решительное значение имело место совершения преступления, а не подданство обвиняемого. В XIX веке в договорах, заключенных Россией, была провозглашена невыдача собственных подданных. Это отразилось и в договоре 1874 г., заключенном с Австро-Венгрией, и в договоре 1877 г. с Испанией.

В договорах, заключенных Россией, содержались постановления о невыдаче не только собственных подданных, но также иностранцев, которые иным (не по рождению) образом приобрели подданство.

Отказ от экстрадиции собственных граждан на основании существующих в XIX веке теорий обосновывался тем, что обвиняемый должен был быть судим только лишь судом своей страны. Ученые опасались, что подданные, подвергшиеся экстрадиции, будут судимы в чужом государстве пристрастно²⁸. В этот же период активно ставится вопрос о разграничении выдачи «естественных» и «натурализованных» граждан. В некоторых договорах отмечалось, что обвиняемые, полу-

²⁸ Vazelhes. Etude sur l'extradition. Paris, 1877. P. 82.

чившие натурализацию после совершения преступления, все-таки выдавались государствам, гражданами которого они являлись. Следует отметить и другие основания для отказа в экстрадиции. Государство, к которому предъявлено требование о выдаче, само имеет право наказать обвиняемого в случае совершения преступления на его территории. Следовательно, на невыдачу имеет право государство: 1) гражданством которого обладает обвиняемый; 2) на территории которого было совершено преступление.

Следует отметить важность закона «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств», принятого в России в 1911 г. В этом законе главное место уделялось вопросам о невыдаче. Примером этого служит ст. 252, которая гласит: «Выдача русского подданного не допускается, хотя бы вступление в русское подданство последовало после совершения преступного деяния, но до получения министерством иностранных дел требования о выдаче. Выдача не допускается: 1) когда она требуется по поводу того же самого преступного деяния, за которое лицо, выдача которого требуется, было в России осуждено, оправдано, или освобождено от наказания в установленном порядке, и 2) когда установленные действующим в России уголовным законом сроки давности судебного преследования, осуждения или наказания истекли до получения требования о выдаче. Выдача не допускается, если она требуется по поводу того же самого преступного деяния, за которое против лица, выдача которого требуется, возбуждено уголовное преследование в России»²⁹.

Исходя из вышесказанного, следует, что российское законодательство начала XIX века решало вопросы как экстрадиции, так и невыдачи под влиянием тенденций, распространенных в то время в международном праве.

После принятия закона «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств» Россия заключила целый ряд договоров, которые регулировали проблемы передачи. Среди них можно выделить договор, заключенный между Россией и Болгарией в 1911 г. Среди множества проблем экстрадиции, рассмотренных в данном договоре, особое место занимали вопросы о невыдаче.

Можно сказать, что в российском законодательстве остро ставилась и рассматривалась проблема отказа в экстрадиции. Содержание норм

²⁹ Еженедельная юридическая газета «Право», издаваемая в С.-Пб под редакцией В.М. Гессена и Н.И. Лазаревской. 1912. № 6. С. 326.

вышеупомянутого закона и договора подчеркивало их императивность, следовательно, и основания для отказа выдачи были установлены императивно.

После социалистической революции 1917 г. в России изменилось отношение к вопросам экстрадиции. Отсутствие договоров о правовой помощи существенно усложняло сотрудничество государств в борьбе с преступностью. Позже заключение договоров было вызвано необходимостью. Например, договор от 12 февраля 1920 г. между РСФСР и Великобританией об обмене пленными, заключенный в Копенгагене. В нем также шла речь о передаче обвиняемых и подозреваемых. В ст. 1 договора говорилось, что Великобритания берет на себя обязанность возвратить на родину всех русских пленных, которые находились на ее территории. В ст. 2 речь шла о том, что все русские должны быть возвращены на родину независимо от их правового состояния (свободные и заключенные). Исключение составляли лица, совершившие особо тяжкие преступления, т.е. они не подлежали передаче.

На основании соглашения между РСФСР и Латвией о возвращении на родину военнопленных и лиц, заключенных за административное правонарушение³⁰, объявлялась полная амнистия. В отличие от остальных соглашений, по данному документу создавались совместные комиссии, которые были уполномочены решать вопрос передачи преступника на родину в случае определения меры наказания национальным судом. Из сказанного видно, что в этот период договоры, заключенные между государствами, имеющими разные системы права, носили характер временного политического мероприятия, не представляя стабильный пример в сфере правовой помощи государств.

В договорах не были учтены классические правила экстрадиции, которые были установлены еще в XIX веке. После революции в России не был принят ни один закон, который регулировал бы экстрадицию, если не считать конституцию, принятую в советский период. В ней были затронуты вопросы, касающиеся данной проблемы, а именно: п. 21 главы 5 Конституции Российской Социалистической Федеративной Республики от 10 июля 1918 г. гласит, что «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию

³⁰ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций РСФСР с иностранными государствами. Выпуск 1. М.: Государственное издательство, 1921. С. 148.

за политические и религиозные преступления». Таким образом, право предоставления убежища служило основанием для невыдачи. Статьи схожего содержания встречаются и в Конституциях Союза Советских Социалистических Республик³¹.

Фактор доверия в процессе передачи между странами, имеющими различные политические системы, был невелик. Реальная обстановка требовала от государств совместных усилий для борьбы с преступностью. С особой сложностью экстрадиция осуществлялась между социалистическими и капиталистическими странами. Данный вопрос был политизирован и решался на основании принципа доброй воли или взаимности. Против советского гражданина Костюрина в 1934 г. было возбуждено уголовное дело по обвинению в присвоении имущества. В виде меры пресечения ему назначили заключение. Обвиняемый с целью укрытия от следствия сбежал в Турцию. В 1935 г. по просьбе правительства СССР и на основании решения Совета министров Турции обвиняемый был передан советским правоохранительным органам³². В данном случае со стороны Турции имело место оказание услуги доброй воли. В тот период между странами с различной политической системой не существовало договоров, которые бы содержали вопросы о правовой помощи государств, и в частности об экстрадиции. Отсутствие такого договора всегда служило основанием для отказа в экстрадиции. О правовой базе экстрадиции того периода можно судить только по договорам, заключенным между социалистическими государствами.

Договоры о передаче во второй половине XX века, как отмечалось выше, заключались между социалистическими странами. Как говорил Р.М. Валеев, «социалистические государства, рассматривая выдачу преступников как один из видов правовой помощи по уголовным делам, закрепили этот институт международного права в своих отношениях в договорах о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам»³³. С 1956 г. имеющиеся соглашения об оказании правовой помощи содержали права и обязанности по выдаче только для некоторых социалистических государств³⁴. Первый из подобного

³¹ Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года. Глава X, ст. 129; Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 года. Глава 6, ст. 38.

³² Блищенко И.П. Прецеденты в международном праве. М.: Междунар. отношения. М., 1977. С. 129.

³³ Валеев Р.М. Указ. соч. С. 92.

³⁴ Там же. С. 93.

рода двусторонних соглашений был заключен в 1949 г. В договорах между социалистическими государствами были перечислены основания для отказа в экстрадиции. Как отмечал Р.М. Валеев, этот факт облегчал осуществление процесса экстрадиции³⁵.

После окончания Второй мировой войны перед международным сообществом активно встал вопрос об экстрадиции лиц, обвиняемых в международных преступлениях³⁶. В этом отношении важно отметить сотрудничество социалистических и капиталистических государств. Оно носило разовый характер, что выражалось в экстрадиции по месту совершения преступления и в экстрадиции обвиняемых по заключению созданного союзниками Нюрнбергского трибунала³⁷. В этой сфере между социалистическими и капиталистическими государствами был достигнут консенсус, который выражался в соглашении между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и временным правительством Французской Республики «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран Оси»³⁸.

Появление международных документов о защите прав человека во второй половине XX века существенно изменило сферу экстрадиции. Такими документами были: Всеобщая декларация прав человека от 1948 г.; европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 1950 г. и т.д. Особое значение имело заключение Европейской конвенции о выдаче от 1957 г. Позже аналогичные конвенции были приняты в Азии, Африке³⁹ и на Американском⁴⁰ континенте. Они играют огромную роль в формировании норм экстрадиции как на международном, так и на внутригосударственном уровне.

Вышеуказанные документы сыграли важную роль в развитии института экстрадиции. Создалась правовая база, которая позволяла государствам, имеющим разные правовые системы и находящимся

³⁵ Там же. С. 96.

³⁶ Гварамия В.В. Экстрадиция лиц, обвиняемых в международных преступлениях. Тбилиси: Изд. СИК, 2002. С. 18 (на грузинском языке).

³⁷ Гварамия В.В. Указ. соч. С. 33.

³⁸ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI М., 1955. С. 163–165.

³⁹ Articles containing the principle concerning extradition of fugitive offenders. 1961.

⁴⁰ Inter-American convention on extradition, 1981. Treaty Series. Volume 1752. New York: United Nations, 2000. P. 177–235.

в разных регионах, сблизить свои законодательства. Этот факт значительно облегчил сотрудничество между государствами, хотя на сегодняшний день остается множество проблем, требующих дальнейшего разрешения.

В данной статье мы попытались путем анализа исторических данных раскрыть сущность экстрадиции. Важно отметить роль изучения исторического развития экстрадиции, что способствовало бы определению дальнейшей перспективы развития данного института. Имея представление о развитии института экстрадиции в разные эпохи, возможно предвидеть тенденции его последующего развития, а также прогнозировать его влияние на современное общество.

Some Aspects of the Institute of Extradition's Evolution (Summary)

*Kuchuhidze S.T.**

The article tackles the issue of extradition in the aspect of its evolution and gives deep analysis of this notion at different stages of its development and in different epochs starting from the ancient times. The author enumerates several treaties on the issue and illustrates the development of the phenomenon of extradition on their basis. Apart from this, different aspects of extradition (such as refusal to extradite, consular courts, etc.) and their evolution are also analyzed. Theories concerning the issue of extradition are reviewed as well and their influence on the shaping of the concept in different countries and their respective legislations in this sphere is described. The author offers the analysis of the evolution of this concept in Russia thus demonstrating the importance of the concept of extradition in bilateral relations of the states.

In the article the author has analyzed the evolution in history of the notion of extradition and thus has tried to convey its meaning. In this respect it is essential to remark that knowledge of the past events concerning the topic of the research may help understand further trends of the development of this phenomenon. This will also assist in assessing the influence it may have in the contemporary society.

* Kuchuhidze S.T. – post-graduate student of the Chair of International Law, Diplomatic Academy MFA Russia.

Международно-правовое регулирование пределов защиты журналиста во время вооруженного конфликта

*Магомедов М. Ш.**

Международное гуманитарное право (МГП) как отрасль международного права (МП) предоставляет специальную защиту отдельным лицам, объединенным в одну категорию покровительствуемых лиц.

Защита журналиста непосредственно связана с содержанием его прав и обязанностей, т.е. с правовым статусом, который регулируется правом как в мирное, так и в военное время. Однако следует отметить, что в рамках МП не установлен полный объем прав и обязанностей, а также ответственность журналистов за их деятельность в мирное время.

Можно определить правовой статус журналиста в мирное время посредством анализа норм международных документов и конкретизации некоторых этих норм применительно к специфике журналистской деятельности и выявить соответствующие особенности правового регулирования.

Международные акты, касающиеся профессиональной журналистской деятельности, можно условно разделить на две группы:

1) международные акты о защите прав и свобод человека и гражданина, которые закрепляют право человека на получение информации и свободу слова. Примерами здесь могут быть Всеобщая декларация прав человека 1948 г.¹, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.², а также региональные договоры о защите прав и свобод человека и гражданина (например, европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³);

* Магомедов Марат Шейхмагомедович - студент юридического факультета Южного федерального университета (Ростовского государственного университета). Публикация подготовлена на основе доклада на конкурсе студенческих работ по международному гуманитарному праву 2007 г., где доклад был оценен первой премией.

¹РГ. 1995. 5 апреля.

²Бюллетень международных договоров. 1993. № 1. С. 3-6.

³Текст ред. от 11.05.1994 опубликован: СЗ РФ. 8 января 2001 г. № 2. Ст. 163, первоначальный текст документа опубликован: СЗ РФ. 18 мая 1998 г. № 20. Ст. 2143.